

СОВЕТСКИЙ ВЕК

The image features a minimalist design on a white background. It consists of two overlapping triangles that point towards the right. The upper triangle is dark gray, and the lower triangle is a lighter shade of gray. The text "СОВЕТСКИЙ ВЕК" is written in a bold, black, sans-serif font, slanted upwards to follow the top edge of the dark gray triangle.

**Виктор
Степаков**

**МОМЕНТЫ ИСТИНЫ
ГЕНЕРАЛА
АБАКУМОВА**

**ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ
ЛЕГЕНДАРНОГО КОНТРАЗВЕДЧИКА**

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА
2023

УДК 93/94
ББК 63.3(2)722
С 79

Степаков В.

С 79 Моменты истины генерала Абакумова. Взлет и падение легендарного контрразведчика / В. Степаков. — М.: Родина, 2023. — 320 с. (Советский век)

ISBN 978-5-00222-180-6

Его считают одной из самых загадочных и трагических фигур советской истории. Его следственное дело засекречено до сих пор. Его имя было на десятилетия вычеркнуто из народной памяти. А ведь его вклад в Победу невозможно переоценить — это он в годы Великой Отечественной возглавлял лучшую военную контрразведку в мире, это под его руководством советская военная контрразведка переиграла и разгромила спецслужбы Третьего Рейха.

Его дальнейшая судьба сложилась трагически: после Победы еще молодой Абакумов возглавил МГБ СССР, однако 5 лет спустя был арестован и впоследствии расстрелян по ложному обвинению — но даже в тюрьме, даже под пытками и перед казнью не признал своей вины и умер несломленным.

Его деятельность до сих пор вызывает жаркие споры — одни историки проклинают Абакумова как «палача» и инициатора массовых репрессий, другие превозносят как величайшего контрразведчика Второй мировой, честного, принципиального и мужественного человека. Новая книга известного историка спецслужб, опираясь на архивные материалы, опровергает многочисленные мифы и спекуляции вокруг имени Абакумова и воссоздает подлинный образ последнего «апостола» СМЕРШа.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)722

© Степаков В., 2023

ISBN 978-5-00222-180-6 © ООО «Издательство Родина», 2023

Глава 1

Москвич

В апреле 1908 года в семье истопника Семена Абакумова родился очередной ребенок.

Крестили младенца в церкви Николы в Хамовниках, где настоятелем был отец Македон, известный в округе своим пристрастием к непомерному возлиянию и куражу. Этим привычкам священник остался верен и на этот раз.

— Сысоем младенца хотите наречь? — мутно взглянул на родителей отец Македон и объявил: — Неблагозвучно. Не буду крестить.

— Да как же ему без крещения. Он, поди, не мамайка, не бусурман какой-нибудь, — заволновалась мать.

— Имя меняйте, либо не буду крестить, — сказал святой отец и даже притопнул ногой.

— Может, Македон? — пришел на помощь ломовой извозчик Федор Гнутов, знакомец семьи и крестный отец мальчика.

— Молчи. Македон — это я, — ответил священнослужитель. — А младенца нарекаю именем Виктор, сиречь — Победитель. И быть посему! — вынес окончательный вердикт и качнулся, едва не опрокинув купель.

Так начиналась жизнь Виктора Семеновича Абакумова, будущего наркома СМЕРШа.

Детство мальчика, проходившее в рабочем квартале, близ Хамовнических казарм, было трудным. Отец из-за беспросветной нужды нередко бывал пьян, ругался и по любо-

му поводу распускал руки. Мать, работавшая прачкой, случалось, тоже выпивала. Витя, предоставленный сам себе, целыми днями бегал со своими сверстниками по Москве, оборванный, грязный и вечно голодный.

Февральская революция 1917 года не внесла в жизнь мальчика заметных изменений. Правда, воображение девятилетнего ребенка поразили толпы москвичей с красными знаменами и бантами, митинги на перекрестках и площадях, где ораторы произносили зажигательные речи, в которых очень часто звучали непонятные слова о крушении монархии, свободе, равенстве и братстве. Витя вместе со всеми кричал «ура» и подкидывал в воздух свою шапку. Находясь под впечатлением от митинговых страстей, он как-то спросил у отца:

— Что теперь будет?

— Да ничего хорошего, — пьяно промычал родитель и рухнул под стол.

Абакумов-старший как в воду глядел: в октябре 1917 года в Петрограде произошла пролетарская революция. Временное правительство было низложено, власть в столице захватили большевики.

25 октября в Москве был создан Военно-революционный комитет (ВРК). В состав ВРК вошли верные ленинцы: Ломов, Смирнов, Усиевич, Муралов, а чуть погодя в него были кооптированы и руководители Красной гвардии — Ведерников и Розенгольц. После этого ВРК немедленно приступил к осуществлению мер по захвату власти. Двум партийным товарищам — Ведерникову и Аросеву — поручалось «предпринять необходимые шаги по занятию телеграфа, телефона и почтамта революционными войсками в целях охраны». Другой большевик, Соловьев, получил мандат с приказом «принять меры к недопущению выпуска буржуазной прессы и занятию типографий буржуазных газет».

Однако московские революционеры встретили сопротивление со стороны созданного 27 октября Комитета общественной безопасности (КОБ) под руководством эсера Руднева и командующего Московским военным округом полковника Рябцева, который опирался на юнкеров Александровского училища и студентов.

В городе начались вооруженные стычки, вскоре перешедшие в ожесточенные уличные бои. Первое время военный успех был на стороне Комитета общественной безопасности. Юнкера и учащаяся молодежь дрались решительно и умело. Тогда как воинские формирования ВРК — красногвардейцы и революционные солдаты — напротив, сражались неохотно и бестолково.

В эти тревожные дни на Хамовническом плацу — огромной площади между казармами и лежащими напротив них же конюшнями и разными службами — шел нескончаемый митинг. Агитаторы из Хамовнического ревкома призывали солдат 193-го пехотного запасного полка, квартировавших в казармах, выступить на защиту революции.

— Товарищи, наши враги в смертельной схватке хотят задавить опору народной революции — Военно-революционный комитет, — стоя на перевернутом ящике, охрипшим голосом взывал к солдатской массе очередной ревкомовец. — Они хотят отнять у народа землю, которая после петроградского переворота навсегда потеряна ими. К оружию товарищи! Будем биться, как свободные граждане! Нас можно убить, но нас не заставят опять пойти в рабство и осудить на рабство наших детей и внуков. Вперед, товарищи, опрокинем врага своим революционным напором!

Солдаты слушали агитатора, дымили самокрутками, но опрокидывать врага явно не спешили. Из толпы, под одобрительный гул, раздались выкрики:

— Гладко стелешь!

— Сам воюй, чем языком-то молоть!

— Товарищи, будьте сознательными! — хрипел ревкомовец, но его слова заглушали гогот, свист и матюки.

Недалеко от митингующих красногвардеец с туго забинтованной рукой рассказывал любопытным о недавнем бое:

— Вышли мы, значит, на Зубовский бульвар, идем, а тут юнкера и эти патлатые, со стекляшками на мордах, скубенты, что ли, как по нам из винтовок дадут, как дадут! Наши — кто пал, кто бежать. Они следом, да быстро так. Кого догонят, так штыком или прикладом — крик! — готовец. Ваське Загнеткину, дружку моему, прикладом все мозги из башки вышибли, а мне вот руку насквозь штыком пропороли, насилиу убег. Да, наклали нам по шеям, будьте нате, как наклали...

Целыми днями Витя Абакумов вместе со своими сверстниками пропадал на Замовническом плацу. Происходящие события мальчишек ничуть не пугали. Им было невероятно интересно. Еще бы, ведь они своими глазами видели настоящую войну!

Между тем 29—30 октября к московским большевикам прибыло значительное подкрепление. Из Иваново-Вознесенска — отряд красногвардейцев под командованием Михаила Фрунзе, а из Петрограда — 500 балтийских матросов, направленных по личному распоряжению Ленина.

Бои в центре города вспыхнули с удвоенной силой. 31 октября из Замоскворечья большевики начали артиллерийский обстрел Кремля и городских зданий, в которых закрепился противник.

С Хамовнического плаца вела огонь батарея тяжелых гаубиц.

— Батарея! Прицел... Трубка... Огонь! — командовал артиллерийский командир.

Орудия оглушительно рывкали и распахивали станинами землю, посылая снаряды по цели. Через мгновения до плаца доносились звуки тупых, тяжелых ударов, приглу-

шенные расстоянием. Артиллерийские наблюдатели, расположившиеся на крыше казарм, кричали сверху о результатах стрельбы:

— Есть попадание! Крой дальше!

— Это мы с удовольствием. Это мы всегда можем! — отвечала, суется возле гаубиц, орудийная прислуга, состоящая из кронштадтских братишек.

— Батарея! Прицел... Трубка... Огонь!

В короткие минуты затишья матросов со всех сторон обступал народ. Завязывалась оживленная беседа.

— Товарищ, как там в Петрограде?

— В Питере порядок, наша взяла, гадам — амба. Это вы тут со своими мандалями волынку развели, справиться не можете, — отвечал веселый братишка в распахнутом бушлате.

— А Ленина, Ленина ты видел? Какой он из себя будет?

— Ленин-то, — задумался матрос и продолжал, не моргнув глазом, — он, товарищ, роста невеликого, но голова. Голова, как котел, во-о такая. Это чтобы за бедных и босых лучше думать. Очень крепко он нас, моряков, уважает. Люблю, говорит, вас, чертей полосатых, больше жизни. А вот буржуев не любит, так не любит, аж зубами скрипит. Этих, говорит, живьем есть буду.

— Да, дела, — удивлялся народ.

Вместе со всеми слушал рассказчика и Витя Абакумов, с ужасом представляя себе маленького человечка с большой головой, огромными зубами рвущего богатея.

4 ноября сопротивление отрядов Комитета общественной безопасности было сломлено. Большевики заняли Кремль, сильно пострадавший в ходе четырехдневной бомбардировки. По всему городу был расклеен манифест победителей:

«Московская победа закрепляет всемирно-историческую победу петербургского пролетариата и гарнизонов.

Под грохот мировой войны в столице России центральная власть перешла в руки Всероссийского съезда Советов. Это — власть самого народа: рабочих, солдат и крестьян. Это — власть мира и свободы. Это — власть, которая уже предложила мир, передала землю крестьянам...

Впервые и человеческой истории трудящиеся классы взяли власть в свои руки, своей кровью завоевав свободу. Эту свободу они не выпустят из своих рук. Вооруженный народ стоит на страже революции».

— Вот жизнь пришла, как фон-бароны ныне заживем, — оценил в семейном кругу истопник Абакумов установление Советской власти. — Они, большевики-то, слышь, чего обещают. Землю, мол, отдадим крестьянам, рабочим — фабрики и заводы. А мне что? Топку! Эх, мать вашу, все, с завтрашнего дня моя топка, и точка!

Но в этом случае Абакумов-старший жестоко просчитался. Жить стало еще бедней, голодней и беспросветней. Не сбылась мечта и о топке. На его справедливое требование комендант советского учреждения, появившегося в здании, где трудился истопник, ответил обидными словами:

— Несознательный ты элемент, Абакумов. Серая порция, одно слово. Ты свои частнособственнические замашки брось и контрреволюцию мне тут не разводи, а то мигом в чеку загремишь.

В новом, 1918 году, в стране разгорелось пламя гражданской войны. В эти дни Москва являла собой фантастическое, порою жуткое зрелище. Знаменитый писатель Иван Бунин по горячим следам оставил зарисовки повседневной жизни в большевистской столице:

«Ходили на Лубянку. Местами “митинги”. Рыжий, в пальто с каракулевым круглым воротником, с рыжими кудрявыми бровями, с свежевыбритым лицом в пудре и с золотыми пломбами во рту, однообразно, точно читая, говорит о несправедливостях старого режима. Ему злобно возражает